
РЕГИОНЫ, НАСЕЛЕНИЕ, ДЕМОГРАФИЯ

УДК 39+314

DOI: 10.33876/2311-0546/2020-50-2/241-254

© **В.В. Лыгденова, О.Б. Дашинамжилов****РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ БУРЯТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ
ИРКУТСКОЙ И ЧИТИНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ***

В статье рассматриваются особенности демографического перехода бурят, проживающих в Иркутской и Читинской областях в 1959–2010 гг. Выявлено влияние социально-экономических и историко-культурных особенностей на демографическую динамику бурятского населения и представлен сравнительный анализ с демографической ситуацией в Бурятской АССР (Республикой Бурятия). Обнаружены и проанализированы территориальные различия численности, естественного движения и охарактеризованы темпы демографической модернизации бурят. Результаты исследования подтвердили, что интенсивность демографического перехода у бурят была разной, хотя данный процесс во всех районах преимущественного расселения имел много общих черт. Во всех трех регионах он соответствовал “японско-мексиканской” модели, которая характерна для обществ догоняющего типа. Определенные отличия возникли в основном из-за особенностей исторического развития Иркутской и Читинской областей в XX столетии.

Главными особенностями демографического развития бурят в Предбайкалье являлись исторически тесные контакты с русским населением. Следствием этого стали: интенсивное развитие земледелия и распространение русского языка. Кроме того, Иркутская область исторически являлась одним из самых промышленно развитых регионов Сибири. Все это опосредованно оказало воздействие на социальный и образовательный состав, культурное развитие и, соответственно, воспроизводственные процессы бурятского населения. Демографический переход шел медленнее в Читинской области. Индустриализация и урбанизация, распространение городского образа жизни в меньшей степени затронули область, что стало основными причинами сохранения высокой

Лыгденова Виктория Васильевна – к. филос. н., научный сотрудник. Институт археологии и этнографии СО РАН, (Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева 17). Эл. почта: victoria.lygdenova@gmail.com. **Lygdenova, Victoria V.** – Institute of Archeology and Ethnography Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Prospect Lavrentieva 17). E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

Дашинамжилов Одон Борисович – к.и.н., научный сотрудник. Институт истории СО РАН (Новосибирск, ул. Николаева 8). Эл. почта: odon@bk.ru. **Dashinamzhirov, Odon B.** – Institute of History Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Nikolaev street 8). E-mail: odon@bk.ru

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-09-00395 «Этнодемографическое развитие бурят в районах преимущественного расселения во второй половине XX – начале XXI вв.»

рождаемости у бурятского населения. Если в Иркутской области скорость демографического перехода первоначально была более высокой, чем в Республике Бурятия, то с середины 1970-х годов темпы его развития сравнялись.

Ключевые слова: буряты, Читинская область, Иркутская область, народы Сибири, динамика численности, демографический переход, этнодемография

Изучение этнических аспектов воспроизводства представляет несомненный интерес, так как позволяет лучше понять процессы, протекающие в многонациональных странах и регионах. Однако в истории нередко возникали случаи, когда представители того или иного этноса проживали компактно не в одном, а в нескольких административных образованиях. Исторические особенности социально-экономического и культурного развития последних влияли на демографическую динамику местного населения.

Отдельные аспекты демографического развития бурятского этноса рассматривались А.П. Окладниковым (*Окладников* 1937), С.А. Токаревым (*Токарев* 1953: 37–52), Б.О. Долгих (*Долгих* 1960), Б.С. Санжиевым (*Санжиев* 1974), Д.Д. Нимаевым (*Нимаев* 1989), Б.Р. Зориктуевым (*Зориктуев* 1982), К.Д. Басаевой (*Басаева* 1980). В контексте изучения других народов данную проблему изучали С.И. Брук (*Брук* 1981) и В.И. Козлов (*Козлов* 1982). Интерес к данной тематике усилился на современном этапе после облегчения доступа к статистическим источникам. В работах Б.В. Базарова, М.Н. Балдано, Н.Л. Жуковской, В.И. Затева, Д.Д. Мангатаевой, В.С. Ханхараева анализировались некоторые проблемы численности, воспроизводства и миграции бурятского этноса (*Базаров, Курас* 1996; *Балдано* 2002; *Жуковская* 2013; *Затеев, Хараев* 2002; *Мангатаева* 1995; *Ханхараев* 1993: 115–117).

В целом, ученые смогли выявить основные тенденции демографического развития народа и выделить его главные этапы. Однако вышеперечисленные авторы уделяли внимание, преимущественно, изучению количественных характеристик, возрастного и семейного состава населения. Подсчеты и анализ ожидаемой продолжительности жизни и суммарного коэффициента рождаемости не проводился. К тому же, объектом изучения в трудах современных исследователей чаще всего являлась Республика Бурятия. Именно поэтому вплоть до сегодняшнего момента детально не выявлены особенности демографической динамики бурят, проживающих в других регионах. Хронологические границы представленной статьи охватывают период с 1959 по 2010 гг. Ее методологической основой стала теория демографического перехода. Воспроизводство бурятского этноса Бурятии уже проанализировано в другой нашей работе, поэтому здесь периодически будут использоваться данные о республике для сравнений. Источниковой базой исследования стали материалы переписей и текущего учета населения.

Иркутская область

Всесоюзная перепись 1959 г. показала, что в Иркутской области проживало 70,5 тыс. бурят, из которых – 44,9 тыс. в Усть-Ордынском Бурятском национальном округе. В регионе проживало 28,0% от совокупной численности этноса в РСФСР, в Читинской области – 15,9%, тогда как в Бурятской АССР (БАССР) больше половины (55,1%). Всего за 1959–1989 гг. численное представительство народа в рассматриваемом регионе увеличилось только на 9,6%. В противоположность этому, бурятское население в Бурятии и Читинской области за 30 лет выросло гораздо значительнее –

на 83,7% и 66,7% соответственно. Проанализируем причины подобной динамики.

Главными компонентами роста/снижения численности жителей являются естественный прирост и миграция. Число рождений и смертей зависит от возрастного состава населения. Примечательно, что бурятское население по материалам Всесоюзной переписи населения 1959 г. оказалось старше русского. У бурят было несколько больше лиц в возрасте до 30 лет (63,5%), чем у русских (62,8%), в основном, благодаря самой молодой пятилетней когорте (0–4 лет). Но и доля старших возрастов (от 60 лет) оказалась намного выше (9,7% и 5,9%). Такое же положение сложилось и в БАССР. Вероятнее всего, это связано с тем, что социальные катаклизмы первой половины XX в. глубже повлияли на демографическое развитие народа. Косвенным подтверждением этому является доля женщин среди бурят (53,0%), которая была выше, чем у русского населения (51,9%).

В то же время, следует учитывать миграционные процессы на востоке страны и людской приток из центральных районов на промышленные стройки и во время эвакуации в годы войны, что привело к позитивным сдвигам в структуре русского населения. В дальнейшем старение бурятского этноса шло медленнее. Если в 1959 г. его средний возраст составил 26,2 лет, то в 1989 г. – 29,0 лет, тогда как у русских – соответственно 26,0 и 31,1.

В восточных районах России, как и в стране в целом в течение XX столетия происходило последовательное сокращение рождаемости. В Иркутской области суммарный коэффициент для всего населения к 1958/1959 гг. составил 3,069 ребенка на одну женщину. У рассматриваемого этноса он оказался значительно больше – 4,857 ребенка, что соответствует первой фазе демографического перехода. Причем на этой фазе переход происходил по такой же «японско-мексиканской модели», что и в БАССР, когда рождаемость в период сокращения смертности не остается на прежнем уровне (английский вариант), а на некоторое время увеличивается (1950-е – начало 1960-х гг.). Такое развитие событий подтверждает структура возрастного состава бурятского населения Иркутской области. При этом размер суммарного коэффициента был, все же, ниже, чем у бурят, проживающих в Республике Бурятия и Читинской области.

Главной особенностью демографического развития этноса в Предбайкалье являлись исторически тесные контакты с русским населением. Следствием этого стали: интенсивное развитие земледелия и распространение русскоязычия (*Дамешек* 1995). На современной территории округа активно шли процессы аграрного переселения, в годы целинной эпопеи было распаханно много земель, что снизило роль пастбищного животноводства. В первой половине XX в. в округ прибыло немало людей из других районов страны. Кроме того, Иркутская область исторически являлась одним из самых населенных и промышленно развитых регионов Сибири. Все это опосредованно оказало воздействие на социальный состав, культурное развитие и, соответственно, воспроизводственные процессы проживающего здесь населения, в том числе и бурят.

Главным фактором рождаемости являлась доля горожан в населении. Всесоюзная перепись 1959 г. показала, что таковыми являлись 62,1% жителей Иркутской области, и это был самый значительный показатель в Восточной Сибири (52,7%). Буряты же преимущественно проживали в сельской местности – 82,4%. В их социальной структуре преобладали общественные группы с высоким уровнем рождаемости. Так, около половины бурят (51,0%) относились к рабочим и служащим, к колхозникам – 48,8% (прочие – 0,2%), тогда как в целом по области соотношение было совер-

шенно иным. Подавляющая часть ее населения являлась рабочими и служащими – 84,9% и только 14,9% – колхозниками. В Усть-Ордынском округе доля колхозников среди бурят была еще выше – 61,6%. Несмотря на выраженную «традиционность» социальной структуры, которая, кстати, была характерна для многих других народов Советского Союза, она все же была, если так можно выразиться более «прогрессивной», чем в БАССР, где доля колхозников среди бурят достигла 57,0%.

Если рассматривать распределение по отраслям народного хозяйства, то здесь тоже присутствуют различия между русским и бурятским населением. Например, у русских доля занятых в промышленности достигла 32,0%, среди бурят только 10,7%, по лесному и сельскому хозяйству разница была еще выше – 17,2% и 61,4%. И такое соотношение в той или иной степени существовало во всех регионах преимущественного расселения (См. напр.: *Митупов* 1986: 77–78; *Тармаханов* 1979: 265–266).

Из этого следует, что бурятское население в 1959 г. было сконцентрировано в основном в не требующих высокой квалификации отраслях материального производства. Это, в свою очередь, также являлось фактором высокой рождаемости. При этом уровень образования уже тогда серьезно вырос. Так, среди русских Иркутской области число лиц с высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием составило 67 чел. на каждую 1000 чел., средним общим – 41, семилетним – 168, начальным – 253 чел., тогда как среди бурят соответственно 51, 51, 170 и 207 чел.

Следует уточнить, что дифференциация в образе жизни и системе ценностей в сельской местности у бурят с разным образовательным уровнем была менее заметной. В этой связи рост образовательного уровня оказывал меньшее понижающее воздействие на репродуктивные установки, чего не скажешь о русском населении, где с ростом образовательного уровня ожидаемое число детей в сельских семьях сильно снижалось (*Белова* 1975: 147).

К концу 1950-х годов в уровне жизни населения, здравоохранении произошли огромные позитивные перемены. Несмотря на то, что, например, Усть-Ордынский национальный округ отставал по развитию социальной сферы от области, увеличилось число больничных учреждений, акушерских и фельдшерских пунктов, количество врачей, больничных коек, обеспеченность лекарствами. В 1937 г. в округе насчитывалось только пять больниц, 10 фельдшерских пунктов и 23 врача (*Тармаханов и др.* 2003: 153). Спустя 20 с лишним лет, к 1960 г. на его территории работали уже 30 больничных учреждений, 102 фельдшерских и фельдшерско-акушерских пункта и 94 врача (*Экономика* 1970: 316). Удалось значительно сократить смертность от многих опасных заболеваний, которые в первой половине XX в. оказывали огромное негативное воздействие на здоровье и продолжительность жизни.

Весьма неожиданным стало то, что разница в ожидаемой продолжительности жизни бурятского и всего населения Иркутской области оказалась невелика и составила всего 0,6 года (65,54 и 66,10 лет), то есть намного меньше, чем в соседней Республике Бурятия (62,39 и 65,80). Можно было бы предположить, что это случайность, если бы подобная картина, хотя и более отчетливо, не наблюдалась у читинских бурят. Возможно, это связано с тем, что ожидаемая продолжительность жизни бурят-мужчин была выше, чем у всего мужского населения Иркутской области (62,09 против 61,39 лет).

К сожалению, в архивах Иркутской области не было обнаружено данных о рождаемости и смертности бурятского населения по возрасту за примыкающие к пе-

реписям годы (1970, 1979 и 1989 гг.). В этой связи приходится использовать для расчетов суммарного коэффициента сведения о возрастной рождаемости за другие, близкие к ним годы (например, 1971, 1977 и 1980, 1987 гг.).

На основе данных 1971 г. приходим к выводу, что во время перехода ко второй фазе демографической модернизации скорость снижения рождаемости у бурят Иркутской области оказалась примерно такой же, что и в соседней Бурятской АССР. В 1970 г. рождаемость бурят БАССР составила 3,596 ребенка на одну женщину, в Иркутской области она упала примерно до 3,300. Интересно, что в дальнейшем рождаемость сократилась незначительно. Если в 1978/1979 гг. суммарный коэффициент в БАССР снизился до 3,010, то в области он, судя по всему, сохранился почти на прежнем уровне – 3,192 (Все население Иркутской области – 2,164).

Подобную динамику косвенно подтверждает Всесоюзная перепись 2010 г. и ее материалы о *реальной* итоговой рождаемости женщин, ранжированные по пятилетним возрастным когортам (Табл. 1).

Таблица 1

Итоговая рождаемость бурятских женщин разных возрастов, согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г.*

Возраст	Год рождения	Иркутская область	Республика Бурятия	Читинская область
65-69	1941–1945	3010	3231	4556
60-64	1946–1950	2846	2765	3731
55-59	1951–1955	2713	2624	3263
50-54	1956–1960	2620	2423	2920
45-49	1961–1965	2378	2177	2637
40-44	1966–1970	2202	1994	2360
35-39	1971–1975	1974	1812	2149

* Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 10. Рождаемость. Кн. 2. М., 2013. С. 1227, 1241, 1251.

Данные переписи подтверждают, что первоначально демографический переход у бурят Предбайкалья, действительно, шел быстрее в сравнении с БАССР. Но затем рождаемость стала сокращаться медленнее, в основном, из-за низких темпов роста доли городского населения. Если в 1959 г. удельный вес бурят-горожан в Иркутской области был несколько выше, чем в Бурятии (17,6% против 16,6%), то спустя 20 лет, в 1979 г. – стал ниже (31,5% против 35,9%). Через 10 лет, к 1989 г. разрыв увеличился (35,0% и 44,5%). В начале рассматриваемого периода уровень образования бурят области был самым высоким среди регионов преимущественного расселения, но уже к 1979 г. республика вышла вперед.

Судя по данным текущего учета за 1987 г., с поправкой на временной лаг демографическая и социальная политика государства в 1980-е гг. одинаково повлияла на репродуктивные установки бурят Иркутской области и БАССР. Рождаемость почти

не увеличилась. Если в республике к 1989 г. она выросла до 3,211 ребенка на одну женщину, то в области приблизительно до 3,250.

Что касается ожидаемой продолжительности жизни бурятского населения, то из-за полного отсутствия данных затруднительно дать даже приблизительные оценки. Есть основания полагать, что при сокращении продолжительности жизни населения страны во второй половине 1960 – первой половине 1980-х гг. у бурят падение оказалось несколько большим, чем в области. Этому, например, способствовало сильно возросшее потребление алкогольной продукции в Усть-Ордынском автономном округе (Усть-Ордынский окружной государственный архив. Ф.Р–2, Оп. 1, Д. 564, Л. 13) и высокая смертность среди сельских жителей, которых среди бурят в отличие от русских было большинство. Если для всего населения Иркутской области ожидаемая продолжительность жизни в 1978/1979 г. составила 64,59 лет, то для рассматриваемого этноса, скорее всего, примерно 63,80 года а, возможно, и меньше. Антиалкогольная кампания второй половины 1980-х гг., несомненно, оказала положительное воздействие на все население страны. В области в целом продолжительность жизни увеличилась до 67,28 лет, среди бурят, вероятно, примерно до 66,50 лет.

В 1989–2010 гг. численность бурят в Иркутской области увеличилась всего на 0,4% (в Бурятии – на 15,0%). При этом все население региона уменьшилось на 14,0%. Одновременно из восточных районов страны из-за социально-экономических проблем усилился миграционный отток в западном направлении (Исупов 2011). Миграция, ассимиляционные процессы способствовали сокращению численности этноса, но, благодаря естественному приросту, она сохранилась на прежнем уровне.

Судя по всему, по сравнению с 1990-ми гг., в 2000-е гг. отток бурят из Иркутской области значительно усилился. Косвенным подтверждением этому является снижение их количественного представительства в 2002–2010 гг. (с 80,6 тыс. до 77,7 тыс. чел.), что происходило в период роста рождаемости и сокращения смертности в стране. Такая тенденция особенно характерна для районов относящихся непосредственно к области. Так, например, за 1989–2010 гг. численность бурят Качугского района снизилась на 45,0%, Заларинского – на 23,1%, Усть-Удинского – на 42,4%. В постсоветский период этнос вступил в третью фазу демографического перехода, когда воспроизводство населения стало приближаться к простому. Из-за отсутствия статистических материалов о его динамике можно судить только по косвенным признакам. Так, например, в это время центральные органы статистики стали публиковать информацию о суммарном коэффициенте и ожидаемой продолжительности жизни автономных округов. В 2002 г. рождаемость в Усть-Ордынском автономном округе составила 2,158 ребенка на одну женщину, тогда как в целом в Иркутской области – всего 1,454 (Демографический 2005: 117). Отметим, что все население округа в эти годы стало сельским. Доля горожан среди бурят области из-за административных преобразований многих поселков городского типа в села уменьшилась до 22,8% (в 1989 г. – 35,0%). Установлено, что у бурят-горожан еще в советское время рождаемость достигла уровня рождаемости русского городского населения. Следовательно, суммарный коэффициент у этноса в 2002 г. был, скорее всего, на уровне 2,000, или несколько выше. После объединения округа и области данные по УОБАО отдельно уже не разрабатывались. Известно, что в 2000-е гг. происходил последовательный рост рождаемости, и согласно расчетам, к 2010 г. она увеличилась примерно до 2,400 ребенка на одну женщину (в целом по Иркутской области – 1,824).

Если рассматривать ожидаемую продолжительность жизни, то есть основания полагать, что она у бурятского населения была несколько ниже, чем у всего населения Иркутской области. Представители этноса проживали в основном в сельской местности (в 2010 г. – 25,0%), где люди уже длительное время жили в среднем на два – три года меньше, чем в городских поселениях. Вдобавок, судя по официальным данным, в Усть-Ордынском округе смертность была несколько выше, чем в области. Ввиду этого, в 2002 г. средняя продолжительность жизни иркутских бурят составила примерно 60,0 лет (Иркутская область – 60,70 лет), в 2010 г. – 64,0 года (65,26 лет).

Итак, у бурятского населения Иркутской области демографический переход, который первоначально в 1960-е гг. шел самыми высокими темпами, в последующие годы замедлился. Особенности демографической динамики повлияли на численность населения, которая из-за сильного миграционного оттока и активных ассимиляционных процессов увеличилась на небольшую величину.

Читинская область

Проанализируем демографический переход бурят Читинской области. В начале рассматриваемого периода в этом регионе проживало наименьшее число представителей изучаемого народа. Согласно Всесоюзной переписи 1959 г., на их долю приходилось 15,9% от общей численности бурят в РСФСР или 40,0 тыс. чел., из которых 23,4 тыс. чел. проживали в Агинском Бурятском национальном округе. За 30 лет с 1959 по 1989 гг. количество бурят в Читинской области увеличилось на 66,7%, что гораздо больше, чем в Иркутской области, но меньше, чем в БАССР.

Если рассматривать возрастной состав, то здесь так же, как и в Иркутской области, он оказался старше, чем у русского населения. Причем разница в среднем возрасте национальностей оказалась внушительнее – 27,9 и 24,7 лет. Удельный вес женщин достиг 55,8%, против 53,3% у русских. К 1989 г. средний возраст бурят составил 26,3 лет, тогда как у русских – 30,3 года. Знаменательно, что спустя 30 лет, в 1989 г. средний возраст бурят стал даже моложе, чем в начале рассматриваемого периода за счет высокого естественного прироста.

В отличие от Иркутской области источниковая база для анализа воспроизводства в Читинской области является более полной. Суммарный коэффициент рождаемости у бурят в 1958/1959 гг. оказался самым большим среди районов преимущественного расселения – 5,888, тогда как у русских 3,418 ребенка на одну женщину. На это повлияли многие факторы, среди которых основным стал недостаточно высокий уровень социально-экономического и индустриального развития региона, его территориально-географическая разобщенность с промышленно развитыми территориями страны, что, в свою очередь, способствовало сохранению традиционного образа жизни бурят, их экономического уклада.

Доля горожан среди бурят в 1959 г. составила всего 7,6%. Причем, они преимущественно проживали в небольших городках и поселках городского типа, где уровень рождаемости был близок к сельской местности. В отличие от Предбайкалья, бурятское население Читинской области географически проживало несколько обособленно. Например, Усть-Ордынский национальный округ вплотную примыкал к густонаселенным и высокоразвитым районам и городам Иркутской области (гг. Иркутск, Ангарск, Черемхово, Усолье-Сибирское), располагающимся вдоль реки Ангары и Транссибирской железнодорожной магистрали. Поселок Усть-Ордынский находит-

ся всего в 40 минутах езды от областного центра (г. Иркутск). Иначе шло экономическое развитие округа, его территория была затронута аграрным переселением дореволюционного периода, раньше стали разрабатываться природные ресурсы.

Между тем, Агинский национальный округ располагался в некотором отдалении от областного центра (г. Чита) и находился в окружении в основном слабо развитых в промышленном отношении преимущественно аграрных районов (*Асалханов* 1963; *Кудрявцев* 1940). Земледелие не получило здесь широкого распространения. Поскольку масштабы аграрных переселений были невелики, а промышленность в экономике играла невысокую роль, в национальном составе населения доля бурят была больше, чем в Усть-Ордынском округе (47,6% против 33,7%).

Доля колхозников среди бурят оказалась самой высокой, а рабочих и служащих самой низкой среди регионов преимущественного расселения – соответственно 69,5% и 30,4%. В сельском и лесном хозяйствах было занято абсолютное большинство (80,1%) населения, тогда как в промышленности всего 3,4%. По уровню образования читинские буряты также уступали соплеменникам из Иркутской области и БАССР. Так, по данным переписи 1959 г., число лиц с высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием составило 27 человек на каждую тысячу, больше было и относительное количество неграмотных.

Позитивные сдвиги в жизни населения, рост материального благополучия, развитие образования и, особенно, здравоохранения оказали большое положительное влияние на здоровье представителей этноса. До революции на территории, которые позднее отошли к Агинскому национальному округу, работал один фельдшерский пункт с единственным фельдшером в штате. Высокой являлась смертность, особенно детская. В 1921 г. была открыта первая больница, позднее, к 1940 г. их было уже три, включая 15 фельдшерских пунктов (*Шагдаров, Доржиев* 1971: с. 40). К 1960 г. число больничных учреждений, включая больницы и диспансеры, увеличилось до 13, фельдшерский пунктов – до 45, количество врачей в округе увеличилось до 8,8 на каждую тысячу населения, среднего медицинского персонала – до 39,8, больничных мест – до 58. И, хотя по этим параметрам округ отставал от Читинской области, прогресс по сравнению с довоенным периодом был очевиден (*Экономика* 1970: 207). Особенно любопытным является то, что ожидаемая продолжительность жизни бурятского населения составила 66,46 лет, то есть превзошла среднеобластной показатель (65,88 лет).

Спустя 11 лет рождаемость под влиянием роста культурного и образовательного уровня, доли городского населения, повышения занятости женщин, ограничений личного подсобного хозяйства снизилась до 4,641 ребенка на одну женщину (у русских – 2,360). Причем это падение оказалось меньшим, чем в Бурятской АССР. Это связано с тем, что перемены в экономике происходили медленнее. Так, например, за 1960–1969 гг. промышленное производство в Иркутской области и Бурятской АССР увеличилось в 2,3, а в Читинской области только в 1,7 раза. На территории Предбайкалья в это время активно развивался Ангаро-Енисейский проект, строились многие крупные промышленные объекты (См. напр., *Цыкунов* 1991). В целом по объему индустриального производства регион уступал не только Иркутской области, но и Бурятской АССР¹. В какой-то мере это можно объяснить тем, что его значение определялось, главным образом, военно-стратегическим расположением.

¹ Согласно данным за 1985 г. объем промышленного производства в рублях составил в Иркутской области – 8,9 млрд. руб., в Бурятской АССР – 2,0 млрд., в Читинской области – 1,7 млрд. руб.

Невысокие темпы социально-экономического развития косвенно отразились на бурятском населении, у которого в основном сохранялись прежними хозяйственный уклад и образ жизни. Если, например, рассматривать перемены в социальной структуре, то они за 11 лет оказались на удивление минимальными. Если в Усть-Ордынском национальном округе доля колхозников снизилась с 61,6% сразу до 18,3%, то в Агинском национальном округе они продолжали составлять большинство населения (74,0% и 69,5%). Низким оставался удельный вес городских жителей (12,8%).

Сельское хозяйство оставалось основой их экономики, но промышленность Усть-Ордынского округа по стоимости промышленно-производственных фондов значительно превосходила Агинский (1968 г. – 21,8 и 8,5 млн. руб.). Численность промышленно-производственного персонала составила соответственно 5,9 и 1,3 тыс. чел. По этим и многим другим признакам промышленная модернизация и урбанизация, распространение городского образа жизни в меньшей степени затронули бурят Читинской области, в результате чего рождаемость сохранялась на высоком уровне.

К концу десятилетия, к 1979 г. суммарный коэффициент снизился до 4,202 детей на одну женщину (у русских – 2,080). Из этого следует, что переход ко второй фазе демографической модернизации у бурят Читинской области произошел позднее, в 1980-е гг. Темпы индустриального развития по-прежнему были невысокими, хотя отставание от БАССР и Иркутской области сократилось. Вырос образовательный уровень бурятского населения, процесс внутрисемейного регулирования рождаемости постепенно охватывал и его. Доля городских жителей увеличилась за 1970–1979 гг. с 15,5% до 19,3%, хотя этот показатель, по-прежнему, был самым низким среди изучаемых регионов.

Большая часть бурят продолжала жить в небольших городских населенных пунктах. Так, например, из 10,9 тыс. чел., переписанных в 1979 г. в городских поселениях Читинской области в областном центре (г. Чита) проживало только 3,0 тыс. чел. (27,8%). Около половины из них находилось в Агинском автономном округе (5,1 тыс. чел.), где городские поселения были представлены всего тремя небольшими поселками (Агинское, Могойтуй, Орловский). В противоположность этому в Бурятии в г. Улан-Удэ проживало 50,0 тыс. или 67,5% всех горожан-бурят БАССР; в Иркутской области в гг. Иркутске, Ангарске, Братске, Усолье-Сибирском – 12,6 тыс. (56,3%). В социальном составе по-прежнему сохранялись, если так можно выразиться, «традиционные» черты. Так, в Агинском автономном округе доминирующей общественной группой среди представителей этноса оставались колхозники – 62,9% (в целом по Читинской области – 11,6%). Ожидаемая продолжительность жизни в 1979 г. составила 65,51, то есть сократилась по сравнению с 1958/1959 гг. Снижение данного показателя за 20 лет произошло и по России в целом, где он уменьшился с 67,91 до 67,72 лет. Это было в основном следствием распространения алкоголизма, в том числе и среди бурятского населения. Данных о потреблении спиртных напитков у нас нет, но оценить масштабы этого явления можно по косвенным признакам. Для этого, например, можно привлечь материалы о причинах смерти в Читинской области и отметить резкое увеличение количества смертей от несчастных случаев, отравлений и травм – с 507 в 1960 г. до 1633 в 1979 г. при росте населения всего в 16,1% за то же время.

Из-за отсутствия материалов текущего учета за 1988 и 1989 гг. сложно оценить динамику рождаемости в 1979–1989 гг. но, скорее всего, суммарный коэффициент бурятского населения либо слегка подрос, либо сохранился на прежнем уровне. Во

всяком случае, в Бурятской АССР и Иркутской области он почти не увеличился. Косвенным подтверждением тому, что демографическая и социальная политика 1980-х гг. оказала слабое воздействие на национальности находившиеся в тот период на начальных или промежуточных фазах демографической модернизации, служат данные по отдельным этносам Советского Союза (Табл. 2). При этом у некоторых народов уже давно находившихся на третьей фазе перехода рождаемость несколько возросла (русские, эстонцы, латыши).

Таблица 2

**Суммарный коэффициент рождаемости некоторых национальностей
Советского Союза в 1979 и 1989 гг.***

Национальность	1979	1989	Доля от 1979 г. (в %)
Таджики	7,511	5,949	79,2
Казахи	5,787	3,584	61,9
Азербайджанцы	5,596	2,945	52,6
Грузины	2,560	1,999	78,1

* Источник: Вестник статистики. 1991. № 8. С. 68.

Что касается смертности, то антиалкогольная кампания способствовала росту ожидаемой продолжительности жизни по всей стране. Можно уверенно утверждать, что это произошло и среди бурятского населения. Различия по этому показателю между русскими и бурятами становились все меньше и колебания в ожидаемой продолжительности жизни стали происходить синхронно в соответствии со складывающейся в стране социально-экономической и политической ситуацией. И, если в Читинской области в целом продолжительность жизни в 1989–1990 гг. составила 67,90 лет, то и у бурятского этноса, скорее всего, чуть больше.

В период между переписями 1989 и 2010 гг. количественное представительство бурят Читинской области за счет высокого естественного прироста возросло на 11,0%. Все население региона за это же время уменьшилось на 19,5%. В результате, если в 1959 г. численность этноса в Иркутской области была больше, чем в Читинской в 1,8 раза, то к 2010 г. разница между ними составила всего 5,0%. Анализ воспроизводства бурятского населения в постсоветский период тоже может быть основан только на косвенных данных. Очевидно, что этнос так же, как в Бурятии и Предбайкалье, вступил в третью фазу демографического перехода, хотя и с запозданием. Известно, что в Читинской области рождаемость продолжала оставаться самой высокой среди регионов преимущественного расселения. В 2002 г. суммарный коэффициент в Агинском автономном округе составил 2,255 ребенка на одну женщину, тогда как в целом по региону – 1,615. При этом в городах и поселках городского типа проживало 35,1% бурят. Исходя из статистических данных, которые есть в нашем распоряжении мы можем предположить, что рождаемость бурят Читинской области составила в 2002 г. около 2,100 ребенка на одну женщину, а в 2010 г. – 2,500.

Предположительно, ожидаемая продолжительность жизни у бурятского населения продолжала оставаться несколько выше, чем в целом по региону. На это косвенно указывают как предшествующие этапы демографического развития народа, так и

данные по Агинскому автономному округу. Например, в 2002 г. продолжительность жизни в области составила 59,82 года, а в округе – 62,15. В 2007 г., когда были опубликованы последние замеры перед объединением этих административных образований, соответственно – 63,01 и 64,66 лет (Демографический 2008: 110). Из этого следует, что продолжительность жизни бурят в округе была в среднем на один – полтора года выше, чем в области, хотя они продолжали проживать в основном в сельской местности.

Скорее всего, это связано с меньшей алкоголизацией населения, что было заметно даже визуально в период сбора полевых и архивных материалов в поселке Агинское. Такая черта общества является следствием сохранения традиционных норм поведения и особой культуры потребления спиртных напитков (Тумунов 1988: 84-85). Косвенно низкую заболеваемость людей алкоголизмом и алкогольными психозами могут подтвердить сведения официальных статистических сборников. Так, например, если в 2000 г. в Читинской области приходилось в среднем 1627,3 таких больных на каждые 100,0 тыс. населения, то в АБАО почти в три раза меньше – всего 580,1. В Иркутской области и Усть-Ордынском округе – соответственно 1373,4 и 1118,9 (Здравоохранение 2001: 117). Вот почему самой высокой продолжительностью жизни в Российской Федерации отличаются республики Южного федерального округа, с преимущественно мусульманским населением. Например, в Республике Ингушетия самое низкое подушевое потребление алкоголя в стране (Регионы 2009: 726), но при этом наиболее высокая продолжительность жизни. Так, если в 2007 г. в среднем по России она составляла 67,51 года, то в Ингушетии (во что трудно поверить, если бы не данные официальной статистики) – 79,0, то есть почти на 12 лет больше (Демографический 2008: 104, 106). Этот показатель уже был близок к среднеевропейским: в Германии – 80,1 лет, Великобритании – 79,6, Дании – 78,4 лет и т.д (Российский 2009: 737).

Таким образом, результаты нашего исследования подтвердили, что интенсивность демографической модернизации у бурят была разной, хотя данный процесс во всех районах преимущественного расселения имел много общих черт. Демографический переход во всех трех регионах соответствовал “японско-мексиканской” модели, который характерен для обществ догоняющего типа. Определенные отличия возникли по ряду причин, среди которых основными являлись особенности исторического развития Иркутской и Читинской областей в XX столетии. Те, в свою очередь, оказали воздействие на факторы воспроизводства – социальную и образовательную структуры бурятского населения, и его занятость. В результате, демографический переход бурят Читинской области в течение всего рассматриваемого периода шел медленнее, чем в Предбайкалье.

Источники и материалы

- Демографический ежегодник 2005 – Демографический ежегодник России. 2005: Стат. сб. М., 2005. – 595 с.
- Демографический ежегодник 2008 – Демографический ежегодник России. 2008: Стат. сб. М.: Росстат, 2008. – 557 с.
- Здравоохранение в России 2001 – Здравоохранение в России: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 2001. – 356 с.
- Национальный состав 2010 – Национальный состав населения Забайкальского края, владение языками и гражданство по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. Стат. сб. Чита, 2013. – 81 с.

- Национальный состав населения Иркутской области (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г.). Стат. сб. Иркутск: Иркутскстат, 2013. – 87 с.
- Регионы России 2009 – Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009. Стат. сб. М.: Росстат, 2009. – 990 с.
- Российский статистический ежегодник 2009 – Российский статистический ежегодник. 2009: Стат. сб. М.: Росстат, 2009. – 795 с.
- УОГА. Ф. Р–2. Оп. 1. Д. 564. Л. 13 – Усть-Ордынский окружной государственный архив. Ф. Р–2. Оп. 1. Д. 564. Л. 13.
- Экономика и культура автономных областей и национальных округов. Стат. сб. (ДСП) М.: ЦСУ РСФСР, 1970. – 400 с.

Научная литература

- Асалханов И.А.* Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ: Бурят кн. изд.-во, 1963. 494 с.
- Базаров Б.В., Курас Л.В.* К вопросу о совершенствовании межнациональных отношений в Республике Бурятия // Современное положение бурятского народа и перспективы его развития. Улан-Удэ, 1996. Вып. 2. С. 12–18.
- Балдано М.Н.* Основные тенденции изменений социальной структуры в постсоветский период // Вестник БГУ. Сер. 4: История. 2002. С. 81–89.
- Басаева К.Д.* Семья и брак у бурят. Вторая половина XIX – начало XX века. Новосибирск: Наука. 1980, 192 с.
- Белова В.А.* Число детей в семье. М.: Статистика, 1975. 176 с.
- Брук С.И.* Население мира. Этнодемографический справочник. М.: Наука, 1981. 880 с.
- Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 55. 662 с.
- Жуковская Н. Л.* О буддизме и буддистах. Статьи разных лет: 1969–2011. М.: Ориенталия. 2013. 520 с.
- Затеев В.И., Хараев Б.В.* Демографические аспекты этносоциальной структуры Бурятии // Социологические исследования, 2002. № 5. С. 115–121.
- Зориктуев Б.Р.* Современный быт бурятского села. Новосибирск: Наука, 1982. 112 с.
- Исупов В.А. (отв. ред.).* Миграция населения Азиатской России: конец XIX – начало XX вв. Новосибирск: Параллель, 2011. 391 с.
- Дамешек Л.М. (отв. ред.)* История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. М.: Прогресс, 1995. 544 с.
- Козлов В.И.* Национальности СССР. Этнодемографический обзор. М.: Финансы и статистика, 1982. 303 с.
- Кудрявцев Ф.А.* История бурят-монгольского народа от XVII в. до 60-х гг. XIX в. Очерки. М.; Л.: АН СССР, 1940. 242 с.
- Мангатаева Д.Д.* Население Бурятии: тенденции формирования и развития. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. 130 с.
- Нимаев Д.Д.* Этнодемографические процессы в Бурятии в XIX – начале XX вв. // Бурятия XVII – нач. XX вв. Экономика и социально-культурные процессы. Новосибирск, 1989. С. 69–84.
- Окладников А.П.* Очерки из истории западных бурят-монголов (17–18 вв.). Л.: Соцгиз, 1937. 431 с.
- Санжиев Б.С.* О консолидации бурятской социалистической нации как составной части новой исторической общности советского народа // В братской семье народов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд.-во, 1974. С. 80–89.
- Тармаханов Е.Е., Дамешек Л.М., Санжиева Т.Е.* История Усть-Ордынского бурятского автономного округа. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2003. 192 с.
- Токарев С.А.* О происхождении бурятского народа // Советская этнография, 1953. № 2. С. 37–52.
- Тумунов Ж.Т.* Очерки из истории агинских бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд.-во, 1988. 176 с.
- Ханхараев В.С.* О некоторых тенденциях демографического развития бурятского этноса

в 90-е годы // Этносоциальные общности в регионе Восточной Сибири и их социально-культурная динамика. Улан-Удэ, 1993. С. 115–117.

Цыкунов Г.А. Ангаро-Енисейские ТПК: проблемы и опыт (исторический аспект). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. 176 с.

Шагдаров Б.Ш., Доржиев Ж.Д. Ага степная: Очерки. Улан-Удэ: Бур. Книж. Изд-во, 1970. 139 с.

Митупов К. Б.-М. Становление социалистической социальной структуры Бурятии (1938–1960). Новосибирск: Наука, 1986. С. 77–78.

Тармаханов Е.Е. Промышленность и рабочий класс Советской Бурятии 1938–1958. Новосибирск: Наука, 1979. С. 265–266.

References

Asalkhanov, Yi.A. 1963. *Sotsialno-ekonomicheskoye razvitiye Yugo-Vostochnoy Sibiryi vo vtoroy polovinye XIX veka* [Social economic development of Southern Eastern Siberia in the second half of the XIXth century]. Ulan-Ude: Buryatian Publishing House. 494 p.

Baldano, M.N. 2002. Osnovnye tendentsii izmenenii sotsial'noi struktury v postsovetskii period [Newsletter of the Buryat State University]. *Vestnik BGU. History* 4: 81–89.

Basaeva, K.D. 1980. *Sem'ia i brak u buriat. Vtoraia polovina XIX – nachalo XX veka*. [Family and Marriage among the Buryats. Second half of the XIXth-beginning of the XXth centuries]. Novosibirsk, Science.

Bazarov, B.V., and L.V. Kuras. 1996. K voprosu o sovershenstvovanii mezhnatsional'nykh otnoshenii v Respublike Buriatiia [Modern situation of the Buryats people and perspectives of their development]. In *Sovremennoe polozhenie buriatskogo naroda i perspektivy ego razvitiia*. Iss. 2: 12–18.

Belova, V.A. 1975. *Chislo detei v sem'e*. [Number of children in a family]. Moscow: Statistics. 176 p.

Bruk, S.I. 1981. *Naselenie mira. Etnodemograficheskii spravochnik*. [World Population]. Moscow: Science.

Dameshek, L.M. (ed.) 1995. *Istoriia Ust'-Ordynskogo Buriatskogo avtonomnogo okruga*. [History of Usty-Ordynsky Buryatian Autonomous Circle]. Moscow: Progress.

Dolgikh, B.O. 1960. *Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri*. Vol. 55. Moscow: Izdatelstvo AN USSR.

Isupov, V.A. (ed.) 2011. *Migratsiia naseleniia Aziatskoi Rossii: konets XIX – nachalo XX vv.* [Migration of Population of Asian Russia: end of XIX-beginning of the XX-th centuries]. Novosibirsk: Parallel.

Khankharaev, V.S. 1993. O nekotorykh tendentsiiakh demograficheskogo razvitiia buriatskogo etnosa v 90-e gody [About several tendencies of demographic development of the Buryatian ethnos in 1990-s]. In *Etnosotsial'nye obshchnosti v regione Vostochnoi Sibiri i ikh sotsial'no-kul'turnaia dinamika*. [Ethnical social groups in Eastern Siberian region and their social cultural dynamics], 115–117. Ulan-Ude.

Kozlov, V.I. 1982. *Natsional'nosti SSSR. Etnodemograficheskii obzor*. [Nationalities of the USSR. Ethnical demographical Review]. Moscow: Finances and statistics.

Kudryavtsev, F.A. 1940. *Istoriya Buryat-Mongolskogo naroda ot XVII veka do 60-kh gg. XIX v. Ocherki*. [History of Buryatian-Mongolians since XVII until 60-s of the XIXth centuries. Sketches]. Moscow-Leningrad: Academy of Science of the USSR. 242 p.

Mangataeva, D.D. 1995. *Naselenie Buriatii: tendentsii formirovaniia i razvitiia*. [Population of Buryatia: tendencies of formation and development]. Ulan-Ude: Buryatian National Scientific Center of the SB RAS.

Nimaev, D.D. 1989. Etnodemograficheskie protsessy v Buriatii v XIX – nachale XX vv. [Ethnodemographic processes in Buryatia in XIX-beginning of XX]. In *Buriatiia XVII-nach.XX vv. Ekonomika i sotsial'no-kul'turnye protsessy* [Buryatia of XVII-beginning of XX centuries. Economics and social cultural processes], 69–84. Novosibirsk.

- Okladnikov, A.P. 1937. *Ocherki iz istorii zapadnykh buriat-mongolov (17-18 vv.)*. [Sketches of Western Buryat-Mongols' history]. Leningrad: Sotszkgiz.
- Sanzhiev, B.S. 1974. O konsolidatsii buriatskoi sotsialisticheskoi natsii kak sostavnoi chasti novoi istoricheskoi obshchnosti sovetskogo naroda. In *V bratskoi sem'e narodov*. [In brotherhood family of the peoples], 80–89. Ulan-Ude: Buriatian Publishing House.
- Shagdarov, B.Sh., Zh.D. Dorzhiev. 1970. *Aga stepnaia: Ocherki* [Stepp Aga: Sketches]. Ulan-Ude: Buriatian Publishing House.
- Tarmakhanov, E.E., L.M. Dameshek, and T.E. Sanzhieva. 2003. *Istoriia Ust'-Ordynskogo buriatskogo avtonomnogo okruga*. [History of Ust'-Ordynsky Buryatian Autonomous Circle]. Ulan-Ude: Izdatelstvo of Buryat State University.
- Tokarev, S.A. 1953. O proiskhozhdenii buriatskogo naroda [About genesis of the Buryats]. In *Sovetskaiia etnografiia* 2: 37–52.
- Tsykunov, G.A. 1991. Angaro-Yeniseyskiye TPK: problemy yi opyt (istoryicheskiy aspekt) [Angaro-Yeniseyskiy Territorial Industrial Complexes: problems and experience (historical aspect)]. Irkutsk: Irkutsk University Publishing House. 176 p.
- Tumunov, Zh.T. 1988. *Ocherki iz istorii aginskikh buriat*. Ulan-Ude: Buriat. kn. izd.-vo.
- Zateev, V.I., B.V. Kharaev. 2002. Demograficheskie aspekty etnosotsial'noi struktury Buriatii [Demographic Aspects of Ethno-Social Structure of Buryatia]. In *Sotsiologicheskie issledovaniia* 5: 115–121.
- Zhukovskaia, N.L. 2013. *O buddizme i buddistakh. Stat'i raznykh let: 1969–2011*. [About Buddhism and Buddhists. Papers of different years: 1969–2011]. Moscow: Orientaliya.
- Zoriktuev B.R. 1982. *Sovremennyi byt buriatskogo sela* [Modern everyday life of the Buryatian village]. Novosibirsk: Nauka.

Lygdenova, Victoria V, and Odon B. Dashinamzhilov

Regional Aspects of Demographic Modernization of the Buryat Population: Case of Irkutsk and Chita regions in the second half of the XXth – beginning of the XXIst centuries

The paper studies the demographic transition among the Buryats in Irkutsk and Chita regions in 1959-2010-s. The authors consider influence of social, economic, historical and cultural processes on demographic dynamics of the Buryat population in these regions and compare it with demographic situation in Buryat Social Soviet Republic (later Republic of Buryatia). The article focuses on territorial differences in number of inhabitants, vital statistics and pace of demographic modernization of the Buryats in the Irkutsk and Chita regions. Results of the research confirmed that intensity of demographic transition among the Buryats was different though this process had many similarities in all areas of primary settlement. In all the three regions it corresponds to a “Japanese-Mexican” model that is typical for societies with catching-up economies. The differences appeared mainly due to specific historical development of Irkutsk and Chita regions in the XXth century.

Demographic development of the Buryats in Predbaykalye was influenced by historically tight contacts with Russian population. It resulted in intensive development of agriculture and Russian language dissemination. Besides, Irkutsk region historically was one of the most industrially developed regions of Siberia. All these factors had indirect impact on social and educational composition, cultural development and reproductive processes of the Buryatian population. Demographic transition went slower in Chita region. In Irkutsk region it was first much faster than in the Republic of Buryatia but since the middle of the 1970-s the pace of demographic transition has been equal there.

Key words: *Buryats, Chita region, Irkutsk region, peoples of Siberia, dynamics of population, demographic transition, ethnical demography*